Гилберт Честертон

Невидимка

Часть сборника
Настоящий английский детектив: собрание лучших рассказов

Невидимка
Гилберт Кит Честертон

Аннотация
Гилберт Кит Честертон. Невидимка

Аннотация

«Кондитерская на углу двух крутых улочек в Кэмден-Тауне светилась, как кончик догорающей сигары в прохладных синих сумерках. Или скорее как догорающий фейерверк, потому что свет был многоцветным: он дробился во множестве зеркал и танцевал на множестве позолоченных и расцвеченных яркими красками тортов, леденцов и пирожных. К сияющему витринному стеклу прилипали носы многих уличных мальчишек, потому что шоколадки были обернуты в красную, золотистую и зеленую фольгу, которая почти лучше самого шоколада, а огромный белоснежный свадебный торт каким-то странным образом был невероятно далеким и одновременно манящим, как съедобный Северный полюс…»

Гилберт Кит Честертон
Невидимка

Кондитерская на углу двух крутых улочек в Кэмден-Тауне светилась, как кончик догорающей сигары в прохладных синих сумерках. Или скорее как догорающий фейерверк, потому что свет был многоцветным: он дробился во множестве зеркал и танцевал на множестве позолоченных и расцвеченных яркими красками тортов, леденцов и пирожных. К сияющему витринному стеклу прилипали носы многих уличных мальчишек, потому что шоколадки были обернуты в красную, золотистую и зеленую фольгу, которая почти лучше самого шоколада, а огромный белоснежный свадебный торт каким-то странным образом был невероятно далеким и одновременно манящим, как съедобный Северный полюс. Естественно, такая радужная провокация собирала со всей округи молодежь в возрасте до десяти-двенадцати лет. Но угол двух улиц был привлекателен и для несколько более зрелого возраста: юноша лет двадцати четырех на вид не сводил глаз с той же витрины. Для него кондитерская тоже обладала неотразимым очарованием, но его чувства не вполне исчерпывались любовью к шоколаду, которым, однако, он тоже вовсе не брезговал.

Это был высокий, крепко сложенный рыжеволосый молодой человек с решительным

выражением лица, но несколько расслабленными манерами. Под мышкой он держал плоскую серую папку с черно-белыми эскизами, которые более или менее успешно продавал издателям с тех пор, как его дядя (который был адмиралом) лишил его наследства за социалистические взгляды из-за лекции, на самом деле опровергавшей экономическое учение социализма. Его звали Джон Тернбулл Энгус.

Он наконец распахнул дверь, прошел через всю лавку в заднюю комнату, где находилось маленькое кафе-кондитерская, и на ходу приподнял шляпу перед молоденькой продавщицей. Это была смуглая, изящная и бойкая девушка в черном, с румянцем на щеках и очень подвижными темными глазами; спустя минуту-другую она последовала за ним, чтобы принять заказ.

Судя по всему, заказ оставался неизменным.

— Будьте добры, сдобную булочку за полпенни и чашечку черного кофе, — произнес он, тщательно выговаривая каждое слово. В тот момент, когда девушка отвернулась, он добавил: — И еще я прошу вашей руки.

Девушка из магазина внезапно посуровела.

— Такие шутки мне не нравятся, — сказала она.

Рыжеволосый молодой человек поднял серые глаза и серьезно посмотрел на нее.

— Я не шучу, — сказал он. — Это серьезно… так же серьезно, как булочка за полпенни. Это дорого, как и булочка, потому что за это надо платить. Это неудобоваримо, как и булочка. Это причиняет боль.

Смуглая девушка не сводила с него глаз и, казалось, изучала говорившего с почти трагической сосредоточенностью. По завершении осмотра на ее лице мелькнула тень улыбки, и она опустилась на стул.

— Вам не кажется, что довольно безжалостно есть эти полупенсовые булочки? — с рассеянным видом спросил Энгус. — Из них могли бы вырасти пенсовые булочки. Я откажусь от этой жестокой забавы, когда мы поженимся.

Смуглая девушка поднялась со стула и подошла к окну, словно в глубоком раздумье — впрочем, не выказывая неодобрения услышанному. Когда она наконец повернулась с решительным видом, то с изумлением увидела, что молодой человек аккуратно выкладывает на стол разные предметы с кондитерской витрины. Там уже красовалась пирамида конфет в разноцветных обертках, несколько тарелок сандвичей и два

графина с таинственными напитками — хересом и портвейном, которые так ценят кондитеры. В центре этого великолепия он аккуратно поставил огромный торт, облитый белоснежной сахарной глазурью, который был главным украшением витрины.

— Что вы творите? — спросила она.

— Выполняю свой долг, дорогая Лаура… — начал он.

— Ох, ради бога, прекратите! — воскликнула она. — И не говорите со мной таким тоном. Я спрашиваю, что все это значит?

— Это торжественный обед, мисс Хоуп.

— А это что такое? — нетерпеливо спросила она, указывая на сахарную гору.

— Наш свадебный торт, миссис Энгус, — ответил он.

Девушка подошла к упомянутому предмету, с некоторым усилием подняла его и поставила обратно в витрину. Потом она вернулась, села и, изящно упершись локтями в стол, посмотрела на молодого человека не то чтобы недоброжелательно, но с заметным раздражением.

— Вы даже не даете мне времени на раздумье, — сказала она.

— Я не такой дурак, — ответил он. — Это мой

вариант христианского смирения.

Она по-прежнему смотрела на него, но выражение ее лица, несмотря на улыбку, стало гораздо более серьезным.

— Мистер Энгус, — ровным голосом сказала она, — прежде чем выслушать новую порцию этой чепухи, я должна рассказать вам кое-что о себе. Постараюсь покороче, если получится.

— Я в восхищении, — с серьезным видом отозвался Энгус. — Кстати, заодно вы можете рассказать кое-что и обо мне.

— Придержите язык и послушайте, — отрезала она. — Мне нечего стыдиться и даже не о чем особенно сожалеть. Но как бы вы повели себя, если бы узнали, что дело, к которому я не имею никакого отношения, превратилось для меня в настоящий кошмар?

— В таком случае я предлагаю вам принести торт обратно, — невозмутимо ответил молодой человек.

— Сначала вы должны выслушать мою историю, — настойчивым тоном сказала Лаура. — Для начала скажу, что мой отец был владельцем трактира «Морской окунь» в Ладбери и я обслуживала посетителей бара.

— Меня часто удивляло, почему в этой конди-

терской лавке царит такой дух благочестия, — заметил ее собеседник.

— Ладбери — это сонный, захолустный городок в восточных графствах, и единственными нормальными посетителями «Морского окуня» были редкие коммерсанты, а что касается остальных — это самые гадкие люди, которых вы можете представить, только вы таких никогда не видели. Плюгавые бездельники, которым едва хватает на жизнь, дурно одетые, но с большими претензиями, умеющие лишь шататься по барам да играть на скачках. Даже эти убогие юные прожигатели жизни нечасто заходили к нам, но двое из них появлялись слишком часто… во всех отношениях. Оба жили на свои деньги и невыразимо докучали мне своим праздным видом и безвкусной манерой одежды. И все-таки я немного жалела их, ведь они заходили в наш маленький пустой бар потому, что у каждого имелось небольшое уродство такого рода, над которым потешаются неотесанные мужланы. Даже не уродство, а скорее природный недостаток. Один из них был удивительно низкорослым, почти карликом — во всяком случае, не выше жокея. Но в его внешности не было ничего жокейского: круглая темноволосая голова, ухоженная

черная бородка, глаза живые и блестящие, как у птицы; он звенел деньгами в карманах, поигрывал массивной золотой цепочкой от часов и одевался слишком по-джентльменски, чтобы выглядеть настоящим джентльменом. Впрочем, этот бездельник был совсем не дурак. Настоящий гений импровизации, он с удивительной ловкостью мастерил всевозможные бесполезные вещи, например устраивал фейерверк из пятнадцати спичек, которые зажигались одна от другой, или вырезал из банана танцующих куколок. Его звали Исидор Смайс, и я до сих пор вижу, как этот темнолицый человечек подходит к стойке и собирает прыгающего кенгуру из пяти сигар.

Другой тип больше молчал и казался заурядным человеком, но почему-то тревожил меня больше, чем бедный маленький Смайс. Он был очень высоким, сухопарым и светловолосым, с горбинкой на носу и мог бы даже сойти за красивое привидение, но он страдал самым жутким косоглазием, которое мне когда-либо приходилось видеть. Когда он смотрел прямо на вас, вы не знали, где сами находитесь, уже не говоря о том, на что он смотрит. Думаю, этот недостаток немного ожесточил беднягу. Если Смайс был готов повсюду демонстрировать свои обезьяньи

трюки, то Джеймс Уэлкин (так его звали) лишь потихоньку напивался в нашем баре да подолгу гулял в одиночестве по серым и унылым окрестностям. Мне кажется, что Смайс тоже переживал из-за своего маленького роста, хотя держался с большим достоинством. Неудивительно, что я была сконфужена, встревожена и очень расстроена, когда оба сделали мне предложение в течение одной недели.

Наверное, я поступила глупо. Но, в конце концов, эти чудаки в некотором смысле были моими друзьями, и мне страшно не хотелось, чтобы они думали, что я отказала им по настоящей причине — из-за их невозможного безобразия. Поэтому я выдумала другой предлог и сказала, что поклялась выйти замуж только за человека, который самостоятельно добьется успеха в этом мире. Я сказала, что из принципа не стану жить на деньги, которые достались кому-то по наследству, как моим ухажерам. Через два дня после того, как я поговорила с ними таким благонамеренным образом, начались неприятности. Первым делом я узнала, что оба отправились искать свою удачу, как в какой-нибудь глупой сказке.

С того дня и до сих пор я не видела ни одного

из них. Но я получила два письма от коротышки Смайса, и они были довольно увлекательными.

— А от другого не было вестей? — поинтересовался Энгус.

— Нет, он так и не написал, — ответила девушка после секундного колебания. — В первом письме Смайс сообщил, что он отправился пешком в Лондон за компанию с Уэлкином, но тот оказался таким отменным ходоком, что коротышка отстал и присел отдохнуть у дороги. Случилось так, что его подобрал бродячий цирк — отчасти потому, что он был почти карликом, но также из-за его удивительных фокусов. В шоу-бизнесе дела у него пошли очень хорошо, и вскоре его отправили в «Аквариум» показывать какие-то трюки, уже не помню какие. Об этом он рассказал в своем первом письме. Второе было гораздо более необычным, и я получила его только на прошлой неделе.

Энгус допил свой кофе и теперь смотрел на нее с добродушным и терпеливым выражением на лице. Уголки его рта изогнулись в улыбке, когда она продолжила свой рассказ:

— Наверное, вы видели плакаты с рекламой «Бесшумных услуг Смайса»? Если нет, то вы единственный, кто их не видел. О, я мало что знаю об

этом — какое-то хитроумное изобретение, чтобы всю работу по дому делали механизмы. Нечто вроде «нажмите кнопку: дворецкий, который не пьет ни капли» или «поверните ручку: десять горничных, которые никогда не флиртуют»! В общем, как бы ни выглядели эти машины, они приносят целую кучу денег, и вся прибыль достается шустрому маленькому чертенку, с которым я познакомилась в Ладбери. С одной стороны, я рада, что бедняга наконец-то встал на ноги, но на самом деле с ужасом ожидаю, что он появится в любую минуту и скажет, что он самостоятельно добился успеха в этом мире, — и будет совершенно прав!

— А другой мужчина? — с тихим упорством повторил Энгус.

Лаура Хоуп внезапно поднялась из-за стола.

— Похоже, вы настоящий волшебник, друг мой, — сказала она. — Да, вы совершенно правы. Я не получала от него ни строчки и понятия не имею, где он находится. Но именно его я боюсь. Это он преследует меня и сводит с ума, если уже не свел: я ощущаю его присутствие там, где его не может быть, и слышу его голос там, где он не может ничего сказать.

— Ну, моя дорогая, будь он хоть сам Сатана,

с ним покончено, потому что вы рассказали об этом, — добродушно заметил молодой человек. — С ума сходят в одиночестве. Но когда вам показалось, что вы ощущали присутствие и слышали голос вашего косоглазого приятеля?

— Я слышала смех Джеймса Уэлкина так же ясно, как сейчас слышу ваши слова, — ровным тоном ответила девушка. — Вокруг никого не было, потому что я стояла на углу перед кондитерской и могла видеть обе улицы одновременно. Я уже успела забыть, как он смеется, хотя звук его смеха такой же жуткий, как его косоглазие. Почти год я вообще не думала о нем. Но готова поклясться: не прошло и секунды, как я получила первое письмо от его соперника.

— А вам удалось заставить этого призрака заговорить или хотя бы постучать по столу? — с некоторым интересом спросил Энгус.

Лаура неожиданно вздрогнула, но ответила бестрепетным голосом:

— Да. Как раз в тот момент, когда я дочитала второе письмо от Исидора Смайса, где он объявлял о своем успехе, я услышала голос Уэлкина: «Все равно ты ему не достанешься!» Голос звучал так, как если бы он сам находился в комнате. Это было ужасно, и тогда я подумала, что схожу

с ума.

— Если бы вы действительно сошли с ума, то считали бы себя совершенно разумной, — сказал молодой человек. — Но в этом невидимом джентльмене действительно есть нечто странное и подозрительное. Две головы лучше, чем одна, — из скромности не буду упоминать о других органах, — и если вы позволите мне, как здравомыслящему и практичному человеку, вернуть свадебный торт на стол…

Его слова потонули в металлическом скрежете, донесшемся с улицы. Маленький автомобиль на бешеной скорости подкатил к дверям кондитерской и остановился. В следующее мгновение в лавку ворвался коротышка в блестящем цилиндре.

Энгус, до сих пор изображавший беспечное веселье из соображений психической гигиены, теперь выказал свое душевное напряжение, когда резко вышел из внутренней комнаты навстречу пришельцу. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы подтвердить ревнивое подозрение влюбленного мужчины. Этот щегольски одетый, но низкорослый человечек, почти карлик, с выпяченной вперед острой черной бородкой, умными беспокойными глазами и изящными, но очень

нервными пальцами, не мог быть не кем иным, как Исидором Смайсом, который делал куколок из банановой кожуры и спичечных коробков, а потом сколотил миллионы на изготовлении непьющих механических дворецких и бесстрастных металлических горничных. Некоторое время двое мужчин, инстинктивно уловившие, что их объединяет, разглядывали друг друга с холодным снисходительным любопытством, которое составляет сам дух соперничества.

Впрочем, мистер Смайс не стал намекать на истинную причину их противостояния.

— Мисс Хоуп видела эту вещь на витрине? — отрывисто поинтересовался он.

— На витрине? — недоуменно переспросил Энгус.

— У меня нет времени на подробные объяснения, — сухо произнес маленький миллионер. — Здесь происходит какая-то чертовщина, которую нужно расследовать.

Он поднял свою полированную трость и указал на витрину, недавно опустошенную свадебными приготовлениями мистера Энгуса; сей джентльмен с изумлением увидел, что к стеклу прилеплена длинная бумажная полоса, которой там не было, когда он смотрел на улицу несколько

минут назад. Последовав за энергичным Смайсом на улицу, он убедился, что кто-то приклеил к стеклу полтора ярда гербовой бумаги, на которой корявыми буквами было написано: «Если выйдешь за Смайса, то умрешь».

— Лаура, — сказал Энгус, просунув в лавку свою большую рыжую голову, — вы не сошли с ума.

— Это почерк Уэлкина, — мрачно сказал Смайс. — Я уже несколько лет не видел его, но он постоянно мне докучает. За последние две недели я получил от него пять писем с угрозами, подброшенных ко мне на квартиру. Ума не приложу, кто их оставил, если только не сам Уэлкин. Швейцар клянется, что не видел никаких подозрительных личностей. Теперь этот проходимец приклеил целую афишу на витрину кондитерской, пока люди, которые сидели внутри…

— Совершенно верно, — смиренным тоном произнес Энгус. — Пока люди, которые сидели внутри, попивали чай. Что ж, сэр, могу вас заверить, что я ценю ваше здравомыслие и способность переходить прямо к сути дела. Другие вопросы мы можем обсудить впоследствии. Этот тип не мог далеко уйти; клянусь, на витрине не было бумаги, когда я последний раз подходил к ней, то есть десять-пятнадцать минут назад.

С другой стороны, он уже слишком далеко для погони, и мы не знаем, в каком направлении он скрылся. Если позволите дать вам совет, мистер Смайс, это дело нужно сразу же передать в руки энергичному следователю, и лучше частному, чем государственному. Я знаком с одним исключительно умным человеком, у которого есть своя контора в пяти минутах езды отсюда на вашей машине. Его зовут Фламбо, и хотя его юность была довольно бурной, сейчас это воплощенная честность, а его мозги стоят ваших денег. Он живет в Лакнау-Мэншенс, это в Хэмпстеде.

— Странно, — сказал маленький человек, изогнув черные брови. — Я сам живу в Гималайя-Мэншенс, прямо за углом. Если не возражаете, поедем вместе: я отправлюсь к себе и соберу эти нелепые послания от Уэлкина, а вы тем временем сбегаете и приведете вашего друга-сыщика.

— Вы очень добры, — вежливо ответил Энгус. — Что же, чем раньше мы приступим к делу, тем лучше.

Оба мужчины, словно заключившие негласный рыцарский договор друг с другом, церемонно попрощались с дамой, а потом сели в шустрый маленький автомобиль. Когда Смайс крутанул руль и они повернули за угол, Энгус невольно

улыбнулся, увидев огромный плакат «Бесшумных услуг Смайса» с изображением большой безголовой металлической куклы с кастрюлей в руках и сопроводительной надписью: «Кухарка, которая никогда не перечит».

— Я пользуюсь ими у себя дома, — со смехом сказал чернобородый коротышка. — Отчасти для рекламы, а отчасти для настоящего удобства. Честно говоря, мои большие заводные куклы действительно подкладывают уголь в камин, приносят кларет или подают расписание проворнее, чем любой живой слуга, которого я когда-либо видел… если знаешь, на какие кнопки нажимать. Но между нами, не стану отрицать, что у таких слуг есть свои недостатки.

— В самом деле? — произнес Энгус. — Есть что-то, чего они не умеют делать?

— Да, — невозмутимо отозвался Смайс. — Они не могут рассказать, кто подбрасывает ко мне домой все эти письма с угрозами.

Автомобиль Смайса был маленьким и юрким, как и он сам. В сущности, как и домашние слуги коротышки, машина была его конструкции. Если он и питал страсть к рекламе, то, по крайней мере, доверял собственному товару. Ощущение миниатюрности и полета усиливалось по мере того, как

они мчались по длинным белым изгибам дороги в мертвенном, но еще прозрачном вечернем свете. Вскоре белые изгибы стали круче и головокружительнее; они поднимались по восходящей спирали, как любят выражаться поклонники современных религиозных культов. Они находились в том уголке Лондона, где улицы почти такие же крутые, как в Эдинбурге, хотя и не такие живописные. Террасы поднимались над террасами, а многоквартирный дом, куда они направлялись, возвышался над остальными, словно египетская пирамида, позолоченная лучами заката. Когда они повернули за угол и выехали на гравийный полумесяц, известный как Гималайя-Мэншенс, перемена была такой резкой, словно перед ними распахнулось окно: многоэтажная башня господствовала над зеленым морем черепичных крыш Лондона. Напротив особняков на другой стороне гравийного полумесяца виднелись заросли кустарника, больше похожие на живую изгородь, чем на часть сада, а немного внизу блестела полоска воды, нечто вроде канала, служившего крепостным рвом для этого тенистого замка. На углу в начале полумесяца они проехали мимо человека, торговавшего каштанами с лотка, а на другом конце полумесяца Энгус смутно видел

медленно идущего полисмена в синей форме. Это были единственные человеческие фигуры в уединенном пригородном квартале, но у него возникло непередаваемое ощущение, что они воплощают в себе безгласную поэзию Лондона. Ему показалось, что они похожи на героев еще не написанной книги.

Автомобильчик пулей подлетел к нужному дому и выбросил своего владельца, словно стреляную гильзу. Смайс немедленно учинил допрос высокому швейцару в сияющих галунах и низенькому носильщику в рубашке, не приближался ли кто-нибудь к его апартаментам. Его заверили, что ни одна живая душа не могла проскользнуть мимо бдительных стражей, после чего он вместе со слегка ошеломленным Энгусом взмыл на лифте, как на ракете, на самый верхний этаж.

— Зайдите на минутку, — выдохнул запыхавшийся Смайс. — Я хочу показать вам письма Уэлкина. Потом вы сможете сбегать за угол и привести вашего друга.

Он нажал на скрытую в стене кнопку, и дверь открылась сама по себе. Их взорам предстала длинная, просторная прихожая, единственной достопримечательностью которой, в обычном смысле слова, были ряды высоких механических

фигур, отдаленно напоминавших человеческие, выстроившиеся по обе стороны, словно манекены в ателье у портного. Как и манекены, они были безголовыми, имели непомерно выпуклые плечи и грудь колесом, но, помимо этого, напоминали людей не больше, чем любой привокзальный автомат человеческого роста. Вместо рук каждый был снабжен двумя большими крюками для сервировки подносов, а для отличия друг от друга они были выкрашены в гороховый, ярко-красный или черный цвет; в остальном это были лишь механизмы, не заслуживающие особого внимания. По крайней мере, в этот раз никто даже не взглянул на них. Между двумя рядами этих домашних кукол лежало нечто гораздо более интересное: клочок белой бумаги, исписанный красными буквами. Проворный изобретатель схватил бумажку почти сразу же после того, как открылась дверь. Пробежав ее глазами, он молча протянул записку Энгусу. Красные чернила еще не высохли, а текст гласил: «Если вы виделись с ней, я вас убью».

Наступила короткая пауза; потом Исидор Смайс тихо сказал:

— Не желаете глоточек виски? Мне точно не помешает.

— Спасибо, я лучше схожу за Фламбо, — угрюмо ответил Энгус. — По-моему, это дело становится довольно серьезным.

— Вы правы, — с восхитительной бодростью согласился Смайс. — Приведите его сюда как можно скорее.

Когда Энгус закрывал за собой дверь, он увидел, как Смайс нажал кнопку, и один из его автоматов стронулся с места и покатился по желобу, проложенному в полу, держа поднос с графином и сифоном для содовой. Молодому человеку стало немного не по себе при мысли о том, что он оставляет коротышку в одиночестве среди безжизненных слуг, которые внезапно оживают, когда закрывается входная дверь.

Шестью ступенями ниже площадки, где жил Смайс, человек в рубашке возился с каким-то ведром. Энгус взял с него слово, подкрепленное обещанием скорой награды, что тот останется на своем месте, пока он сам не вернется вместе с детективом, и будет вести счет всем незнакомым людям, поднимающимся по лестнице. Внизу он заключил такое же соглашение со швейцаром у парадной двери, от которого узнал, что в доме нет черного хода, что заметно упрощало положение. Не удовлетворившись этим, он завладел внима-

нием прохаживающегося полисмена и убедил его держать вход в дом под наблюдением. И наконец он остановился у лотка, где купил каштанов на один пенни, и осведомился, сколько времени продавец еще будет оставаться на своем месте.

Продавец каштанов, поднявший воротник пальто, сообщил о своем намерении вскоре уйти, так как он думает, что вот-вот пойдет снег. Вечер действительно становился серым и промозглым, но Энгус, призвав на помощь все свое красноречие, уговорил его остаться.

— Подкрепитесь своими каштанами, — с жаром произнес он. — Съешьте хоть все, и вы не пожалеете об этом. Я дам вам соверен, если вы дождетесь моего возвращения и расскажете мне обо всех мужчинах, женщинах или детях, которые зайдут в тот дом, где стоит швейцар.

С этими словами он гордо удалился, напоследок бросив взгляд на осажденную крепость.

— Я обложил его квартиру со всех сторон, — сказал он. — Не могут же все четверо оказаться сообщниками Уэлкина!

Лакнау-Мэншенс находился, так сказать, на более низкой платформе этого застроенного холма, на пике которого возвышался Гималайя-Мэншенс. Полуофициальная квартира Фламбо

находилась на первом этаже и являла собой разительный контраст по сравнению с американской механикой и холодной гостиничной роскошью штаб-квартиры «Бесшумных услуг». Фламбо, друживший с Энгусом, принял его в живописной комнатке за рабочим кабинетом, обставленной в стиле рококо. Среди ее украшений были сабли, аркебузы, восточные диковинки, бутыли итальянского вина, первобытные глиняные горшки, пушистый персидский кот и маленький, скучный на вид католический священник, который выглядел здесь особенно неуместно.

— Это мой друг, отец Браун, — сказал Фламбо. — Давно хотел познакомить вас с ним. Сегодня прекрасная погода, но холодновато для южан вроде меня.

— Думаю, ночь будет ясной, — ответил Энгус и присел на восточный диван, обтянутый атласом в фиолетовую полоску.

— Нет, — тихо произнес священник. — Уже пошел снег.

И действительно, первые редкие снежинки, предсказанные продавцом каштанов, закружились за темнеющим окном.

— Боюсь, я пришел по делу, и к тому же весьма срочному, — смущенно сказал Энгус. — Дело в

том, Фламбо, что в двух шагах от вашего дома есть человек, который отчаянно нуждается в вашей помощи. Его постоянно преследует и осыпает угрозами невидимый враг — негодяй, которого никто даже не может разглядеть.

Энгус рассказал о Смайсе и Уэлкине, начиная с истории Лауры, упомянул о сверхъестественном смехе на углу двух пустых улиц и о странных отчетливых словах, произнесенных в пустой комнате. Слушая его, Фламбо выглядел все более озабоченным, но маленький священник оставался совершенно бесстрастным и неподвижным, словно предмет мебели. Когда дело дошло до надписи на гербовой бумаге, прилепленной к витрине, Фламбо встал и как будто заполнил всю комнату своими могучими плечами.

— Если не возражаете, лучше расскажете мне остальное по дороге к его дому, — сказал он. — Мне почему-то кажется, что нам нельзя терять времени.

— Превосходно. — Энгус тоже встал. — Хотя пока что он в безопасности: я приставил четырех человек следить за единственным входом в его логово.

Друзья вышли на улицу, и маленький священник потрусил за ними, как послушная собачка.

Он лишь добродушно заметил, словно пытаясь завязать разговор:

— Смотрите, как быстро намело снегу!

Пока они поднимались по крутым переулкам, уже блиставшим зимним серебром, Энгус закончил свой рассказ, а к тому времени, когда они приблизились к полукругу многоквартирных домов, смог опросить четырех своих стражей. Продавец каштанов, до и после получения соверена, упорно твердил, что наблюдал за дверью и не видел никаких посетителей. Полисмен был более категоричен. Он сказал, что имел дело со всевозможными проходимцами, и в цилиндрах, и в лохмотьях; но он не такой простак, чтобы ожидать подозрительного поведения от подозрительных типов; он был готов следить за всеми, но, слава богу, никто не появился. А когда они собрались вокруг швейцара, с улыбкой стоявшего на крыльце, то услышали еще более окончательный вердикт.

— У меня есть право спрашивать любого человека, будь он герцог или мусорщик, что ему нужно в этом доме, — сказал добродушный великан в мундире с золотым шитьем. — Клянусь, здесь было некого спрашивать с тех пор, как ушел этот джентльмен.

Незаметный отец Браун, который отступил назад и скромно потупил взор, собрался с духом и кротко спросил:

— Значит, никто не поднимался и не спускался по лестнице с тех пор, как пошел снег? Снегопад начался, когда мы втроем были на квартире у Фламбо.

— Здесь никого не было, сэр, можете поверить мне на слово, — заявил привратник с непререкаемой авторитетностью.

— Тогда интересно, что это такое? — произнес священник и снова уперся в землю немигающим рыбьим взором.

Все остальные тоже посмотрели вниз; Фламбо отпустил пару крепких словечек и всплеснул руками по-французски. Посреди входа, охраняемого швейцаром в золотых галунах, — в сущности, прямо меж расставленных ног этого колосса — тянулась цепочка грязно-серых следов, отпечатавшихся на белом снегу.

— Боже! — невольно воскликнул Энгус. — Это Невидимка!

Без лишних слов он повернулся и устремился вверх по лестнице в сопровождении Фламбо, но отец Браун остался стоять, поглядывая на занесенную снегом улицу, словно вдруг утратил

интерес к своей находке.

Фламбо был явно настроен выбить дверь своим мощным плечом, но шотландец Энгус поступил более благоразумно, хотя и не так драматично. Он провел пальцами по дверному косяку, пока не нашел невидимую кнопку, и тогда дверь медленно отворилась.

Картина внутри была в целом такой же, как и раньше; в прихожей стало темнее, хотя в комнату еще пробивались последние алые лучи заката. Несколько безголовых автоматов передвинулись со своих мест с какой-то неведомой целью и стояли тут и там в вечерних сумерках. Их зеленая и алая раскраска стала почти незаметной, очертания размылись, и они странным образом стали немного более похожими на людей. Но в самом центре, где раньше лежала бумажка, исписанная красными чернилами, теперь находилось нечто очень похожее на лужу красных чернил, пролитых из бутылочки. Однако это были не чернила.

С подлинно французским сочетанием неистовства и рассудительности Фламбо лишь заметил: «Убийство!» — и, ворвавшись в квартиру, за считаные минуты обшарил все шкафы и укромные уголки. Но если он ожидал найти труп, его постигла неудача. Исидора Смайса просто не

было в квартире, ни живого, ни мертвого. После тщательных поисков двое мужчин встретились в прихожей и уставились друг на друга, утирая пот с лица.

— Друг мой, — сказал Фламбо, который от волнения перешел на французский. — Ваш убийца не только невидим, но и делает невидимыми свои жертвы.

Энгус обвел взглядом сумрачную комнату, полную механических кукол, и в каком-то кельтском уголке его шотландской души зародился суеверный трепет. Один из автоматов в рост человека стоял прямо перед кровяным пятном, вероятно, вызванный убитым хозяином в последний момент. Большой крюк, торчавший из высокого плеча и заменявший ему руку, был немного приподнят, и у Энгуса возникло жуткое подозрение, что бедный Смайс был сражен одним из собственных железных созданий. Косная материя восстала против духа, и машины убили своего хозяина. Но в таком случае что они с ним сделали?

«Сожрали его?» — шепнул голос из кошмара ему на ухо, и ему сразу же стало дурно при мысли о разорванных человеческих останках, поглощенных и перемолотых механическими внутренностями манекенов.

Он с усилием отогнал от себя это видение и обратился к Фламбо:

— Ничего не поделаешь. Бедняга испарился и оставил лишь красное пятно на полу. Похоже, эта история не принадлежит к нашему миру.

— Принадлежит или не принадлежит, остается только одно, — сказал Фламбо. — Я должен пойти вниз и поговорить со своим другом.

Они спустились по лестнице, миновав человека с ведром, который снова заверил, что не пропустил ни одного незваного гостя, к швейцару и болтавшемуся поблизости продавцу каштанов, подтвердившему свою бдительность. Но когда Энгус поискал взглядом своего четвертого стража, то не смог обнаружить его.

— А где полисмен? — с некоторой тревогой спросил он.

— Прошу прощения, это я виноват, — сказал отец Браун. — Я недавно послал его навести кое-какие справки… мне показалось, это стоит сделать.

— Он нужен нам здесь как можно скорее, — резко сказал Энгус. — Тот несчастный, что жил наверху, не только погиб, но и пропал.

— Каким образом? — спросил священник.

— По правде говоря, отец, я убежден, что это

больше по вашей части, а не по моей, — сказал Фламбо после небольшой паузы. — Ни один друг или враг не входил в дом, но Смайс исчез, как будто его похитили эльфы. Если это не сверхъестественный случай, то я…

Его речь была прервана необычным зрелищем: рослый полисмен в синей форме выбежал из-за угла и во весь опор помчался к отцу Брауну.

— Вы были правы, сэр, — пропыхтел он. — Тело бедного мистера Смайса только что нашли в канале внизу.

Энгус в замешательстве поднес руку ко лбу.

— Он побежал туда и утопился? — спросил он.

— Клянусь, он не спускался вниз, — ответил констебль. — И он не утонул, потому что был убит ножом в сердце.

— Тем не менее вы видели, что никто не входил в дом, — мрачно произнес Фламбо.

— Давайте немного пройдемся по улице, — предложил священник.

Когда они подошли к дальнему концу полукруга домов, он вдруг воскликнул:

— Какая глупость с моей стороны! Я забыл спросить у полисмена, не нашли ли поблизости светло-коричневый мешок.

— Почему светло-коричневый? — изумленно

спросил Энгус.

— Потому что если бы мешок был любого другого цвета, все пришлось бы начать сначала, — ответил отец Браун. — Но если он светло-коричневый, то дело можно считать закрытым.

— Рад это слышать, — с иронией произнес Энгус. — Насколько мне известно, оно и не начиналось.

— Вы должны все рассказать нам, — сказал Фламбо с тяжеловесным детским простодушием.

Невольно ускоряя шаги, они шли по длинному изгибу улицы на другой стороне высокого холма; отец Браун, возглавлявший процессию, некоторое время хранил молчание. Наконец он сказал с почти трогательной застенчивостью:

— Боюсь, объяснение покажется вам слишком прозаическим. Мы всегда начинаем с абстрактных вещей, и эта история не может начаться как-то иначе. Вы не замечали, что люди никогда не отвечают именно на тот вопрос, который вы задаете? Они отвечают на вопрос, который слышат или хотят услышать. Допустим, одна пожилая дама в загородном доме говорит другой: «Кто-нибудь живет вместе с вами?» Ее собеседница никогда не ответит: «Да, дворецкий, трое слуг на посылках, горничная и так далее», хотя

горничная может находиться в комнате, а дворецкий — стоять за ее креслом. Она скажет: «С нами никого нет», имея в виду, что нет никого из тех, о ком вы спрашивали. Но предположим, что врач во время эпидемии спросит ту же самую даму: «Кто живет в вашем доме?» Тогда она сразу же вспомнит дворецкого, горничную и всех остальных. Это особенность языка: вам никогда не ответят на вопрос буквально, даже если ответят правдиво. Когда эти четыре честных и достойных человека утверждали, что никто не входил в дом, они на самом деле не имели в виду, что никто туда не входил. Они имели в виду только тех, кого могли в чем-то заподозрить. На самом деле один человек зашел в дом и вышел обратно, но они даже не заметили его.

— Невидимка? — осведомился Энгус, приподняв рыжую бровь.

— Он сделался психологически невидимым, — пояснил отец Браун.

Спустя короткое время он продолжил рассказ тем же самым застенчивым тоном, словно размышляя вслух:

— Разумеется, вы не заподозрите такого человека, если специально не подумаете о нем. В этом и состоит его хитрость. Но я заподозрил

его из-за нескольких мелких подробностей в рассказе мистера Энгуса. Во-первых, он сказал, что Уэлкин имел пристрастие к долгим пешим прогулкам. Во-вторых, кто-то прилепил на витрину длинную полосу гербовой бумаги. И наконец, самое главное, юная леди упомянула о двух вещах, которые просто не могут быть правдой. Не обижайтесь, — добавил он, заметив, как дернулась голова Энгуса. — Она думала, что говорит правду, но все же это неправда. Человек не может находиться на улице в полном одиночестве за мгновение до того, как ему вручают письмо. Она не могла быть на улице совершенно одна, когда начала читать только что полученное письмо. Кто-то был совсем рядом с ней, но оставался психологически невидимым.

— Почему кто-то был рядом с ней? — спросил Энгус.

— Потому что, если исключить почтовых голубей, кто-то должен был принести ей письмо, — объяснил отец Браун.

— Вы действительно хотите сказать, что Уэлкин носил даме своего сердца письма от своего соперника? — с жаром осведомился Фламбо.

— Да, — ответил священник. — Уэлкин носил даме своего сердца письма от своего соперника.

Видите ли, он был обязан это делать.

— Я больше этого не вынесу! — взорвался Фламбо. — Кто этот тип? Как он выглядит? Во что обычно наряжается психологически невидимый человек?

— В очень красивый красно-голубой наряд с золотой каймой, — моментально ответил священник, — и в этом заметном, даже вызывающем костюме он вошел в Гималайя-Мэншенс под присмотром четырех пар зорких глаз. Потом он хладнокровно зарезал Смайса и спустился на улицу с мертвым телом в руках…

— Достопочтенный сэр! — воскликнул Энгус и остановился. — Кто-то из нас спятил, но не могу понять — вы или я?

— Вы не сошли с ума, — сказал Браун. — Просто вы не очень наблюдательны. К примеру, вы не заметили такого человека, как этот.

Он сделал три быстрых шага вперед и положил руку на плечо обычному почтальону, который спешил куда-то по своим делам, скрытый в тени деревьев.

— Почему-то никто не замечает почтальонов, — задумчиво сказал он. — Однако у них есть чувства, как и у других людей, и они даже носят с собой большие холщовые сумки, куда можно

легко уложить труп маленького человека.

Вместо того чтобы обернуться, почтальон отпрянул в сторону и налетел на садовую ограду. Это был сухопарый мужчина со светлой бородкой, самой обычной внешности, но когда он повернул к ним испуганное лицо, всех троих поразило его жуткое, почти демоническое косоглазие.

Фламбо, у которого было еще много дел, вернулся к своим саблям, восточным коврам и персидскому коту. Джон Тернбулл Энгус вернулся к девушке из кондитерской, с которой этот неосмотрительный молодой человек с тех пор ухитряется замечательно проводить время. А отец Браун еще много часов прогуливался под звездами по заснеженным холмам вместе с убийцей, но что они сказали друг другу — навеки останется тайной.